

И.Ю. Кобзев

**ОДИССЕЯ ФАУСТА
(Непутевые записки)**

*"Я совершаю это путешествие,
чтобы посредством внешних предметов
лучше ознакомиться с собой"*
(И.В. Гете „Итальянское путешествие“)

1

Опавшие листья... „Опавшие листья“ - это жанр старости. Как это у Розанова: „Короб первый“, „Короб второй“... Слова как листья опадают и вместе со словами пропадают отношения и люди, к которым были обращены эти слова. Старость – время развязывания дружб, приятельств и союзов. Как сказал Лао Цзы: „Знающий не говорит...“

- А что он знает?

- А все. Все, что надо.

- А что надо?

- А все. Или ничего, что одно и то же.

- И как же это себе представить?

- А как дерево без листьев – чистый силуэт на фоне неба. Дерево как символ, как принцип, как форму форм, как единство единичного и всего – Arbor Mundi. дерево как Древо являет собою символ остановленного времени – времени, застывшего в вечности. Это символ истины, но в чем именно она состоит нечем поведать, ибо слова-листья облетели с этого дерева. Другим остается только догадываться и пытаться выразить эту истину своими словами. Но, как сказал тот же Лао Цзы: „Говорящий не знает“. Любой интерпретатор чужой истины обязательно будет создавать пародию на эту истину, пытаясь приспособить знание старости к потребностям молодости. Когда это ему удастся, дерево снова одевается листвой, но уже не своей, а чуждой ему. И за этой листвой уже невозможно разглядеть облик самого дерева. Так совершается цикл непонимания между отцами и детьми. И вместе с тем так происходит вызревание понимания у каждого следующего поколения, которое сначала цепляется за свои „листья“, собирая из них диссертации и монографии, а потом сбрасывает их, обнажая перед своим пониманием все тот же силуэт вечного Arbor Mundi...

Этот архетип человеческой жизни воплотился в литературе в двух основных сюжетах - „Одиссее“ и „Фаусте“. Человек входит в жизнь „Одиссеем“, а заканчивает ее „Фаустом“. Но Одиссей никогда не поймет Фауста, а если поймет, то уже не будет Одиссеем, а станет самим Фаустом. И тогда ему уже будет неинтересен Одиссей...

- А кто такой Одиссей?

- Это Плут, Трикстер. Это не „дерево“, это „обезьяна“ на дереве: она кривляется и демонстрирует всем свои гениталии и голый красный зад. В академических кругах это поведение называется „Карнавалом имени Бахтина“.

- А Фауст?

- А Фауст – это Древо Познания.

- „Суша теория мой друг, А древо жизни вечно зеленеет“, - не завидует ли Фауст Одиссею?

- Дмитрий Быков заметил, что Фауст это сын Одиссея – уж очень совпадают некоторые события в жизни Фауста и Телемаха. Но я думаю, что если бы у самого Фауста был сын, то он конечно же был бы Одиссеем.

- То есть Одиссей и Фауст „в одном флаконе“ - это судьба человека, но в литературе эти два сюжета могут существовать только раздельно?

- Могут и вместе, но редко. Например в „Мастере и Маргарите“ Булгакова. Как сказал тот же Быков: „Сочетание этих двух сюжетов способно творить чудеса“.

- И творит?

- А Вы откройте эту книгу, начните читать и сразу мысль Ваша „растет по дереву“ - по дереву времени, укорененному в вечности. Роман оденет Вашу жизнь своей „листвой“, и Вы узнаете в нем схему „романа“ своей пока еще непрожитой жизни. Это ли не чудо?

- А что же „коробы“ собственных „опавших листьев“? Разве на них не записан свой собственный „Одиссей“, скрывавший до поры до времени собственного „Фауста“?

- Наверное и Вы правы: Фауст, пишущий своего „Одиссея“, превращается в Гомера! Может быть это и есть самая точная метафора смысла человеческой жизни...

С кем я разговариваю? С Одиссеем или с Фаустом? А кто такой я сам – Фауст или Одиссей? Все зависит от обстоятельств. И от возраста: сейчас я точно Фауст, но в своих воспоминаниях я Одиссей. В своем имени у камина я точно Фауст, но в путешествии наверное все-таки Одиссей. Потому что любое путешествие в моем возрасте это попытка вернуться на свою „Итаку“ - попытка второй раз войти в одну и ту же реку вопреки Гераклиту. А дважды наступать на одни и те же грабли – это конечно же привилегия молодости...

2

Фауст „путешествует“ сидя в своем кабинете. Он грезит наяву. Подобно тому как во сне мы рассматриваем свою собственную мысль, которая оказывается и пейзажем и сюжетом, так же и Фауст созерцает мир идей, связанных между собою в единую сеть. Не всю сеть можно увидеть сразу, но именно к этому нас должно приближать правильное образование. Вячеслав Всеволодович Иванов говорил, что при правильном образовании человеческий мозг способен вместить все знания всего человечества без всяких интернетов. Он знал что говорил, потому что его мозг был правильно образован. Такой мозг может бесконечно путешествовать внутри самого себя, открывая удивительные образы и картины. Неправильно образованный мозг в своем путешествии поминутно натывается на осколки лишних и ненужных знаний, о чем сетовал Обломов в разговоре со Штольцем. Такому мозгу вряд ли сильно поможет интернет тем, что вывалит на него кучу новой лишней для него информации, – в этом мусоре невозможно увидеть что-нибудь привлекательное для глаза путешественника.

Вот! Все-таки для глаза! В этом суть путешествия, поэтому мы и говорим о „путешествии“ Фауста, а не просто о его размышлении. По-моему еще Жак Адамар выделял среди математиков два типа мыслителей – алгебраистов или вычислителей и геометров или созерцателей. Вот именно последние и способны к такому интеллектуальному путешествию, ибо мыслят они художественно, эстетически. Фауст это и есть мыслящий эстет, который путешествует даже тогда, когда сидит дома в своем любимом кресле. А Одиссей – это быстро соображающий деятель, который и в реальном путешествии занимается решением насущных задач его собственного выживания. Еще вопрос – а путешествует ли Одиссей на самом деле, то есть созерцает ли он свое путешествие? Поэтому не верьте Фаусту, когда он говорит, что хочет уподобиться Одиссею. На самом деле он хочет оставаться Фаустом на корабле, которым правит Одиссей. Плыть „и видеть сны?“

Вот! Путешествие Фауста – это всегда произведение искусства. А произведение искусства – это сны наяву, как картины Дали или фильмы Феллини и Тарковского. Даже умственное путешествие математика – это тоже произведение искусства. Но для того чтобы это понять, нужно самому быть математиком. И только когда математик сам оказывается художником, как Анатолий Фоменко, тогда зрителю открываются удивительные пейзажи абстрактной топологии, которые перемежаются с иллюстрациями к роману о русском Фаусте – к „Мастеру и Маргарите“. Но и сам Фауст-Фоменко путешествует во времени, создавая новую историю человечества, быть может небывшую, но столь же реальную как путешествие

Одиссея, описанное Гомером. Потому что виртуальный мир для виртуального героя – это абсолютная реальность. Получается, что Фауст и Одиссей неодинаково реальны: Одиссей – это порождение фантазии Фауста, которого за это потомки возвели в ранг Гомера.

Куда же отправится мой Одиссей? - это для меня не вопрос: конечно в Крым. От всей огромной Родины в памяти моей любви остался только этот остров, от которого отчалили корабли ушедшей за море России. Это моя Итака. Я всякий раз легко возвращаюсь в нее в своих фаустианских путешествиях за мальбертом: я непрерывно рисую Крым, слушая при этом пластинку Градского „Ностальгия“. Но отправиться в реальный Крым мне непросто – слишком трудно туда стало добираться в последнее время. Это потому что в последнее время я стал старым. Крым оказался для меня закрыт. Я мысленно произношу это:

- Крым закрыт?

И эхо моего сознания отвечает:

- ... крыт, крит...

Так может действительно Крит? Как это у Гомера:

*„Остров есть Крит среди виноцветного моря, прекрасный,
Тучный, отвсюду объятый водами...“*

3

... Из Фауста такой же Одиссей, как из Дон Кихота средневековый рыцарь. И это не случайно, ведь хитроумие Одиссея помогает в рациональном мире, а в мире абсурда изощренная рациональность только увеличивает окружающий хаос. Поэтому в таком мире Плут непременно обретает облик Безумца. А что может быть безумнее, чем следовать разуму в мире идиотов и варваров? Но ведь сказано: „Верую, потому что абсурдно“. Вот и выходит из своей фаустовской кельи читатель романов Алонсо Кехана и отправляется в свое странствие безумный Одиссей - Дон Кихот. Так Фауст становится не Гомером, а Сервантесом. Сервантес – это Гомер эпохи „ренессансного постмодернизма“, он лечит безумный мир еще большим безумием, которое с течением времени оборачивается спасением человеческого облика. Наверное и в наше время нужно быть Сервантесом или хотя бы Дон Кихотом, чтобы на что-то надеяться в мире, где все человеческое уходит из под ног, как трясина, и укрепить эту почву нечем... и некому. Искусство нужно только тому, кому оно нужно, и никого другого оно не спасает. Но оно спасает того, кто его создает, - и этого достаточно в божественной экономии, долгосрочного смысла которой мы не способны увидеть. Поэтому я сажаю деревья в эпоху, когда все окружающие их рубят, поэтому я рисую пейзажи в эпоху, когда вернисажи полны мусором и испачканными краской полотнами, поэтому я пишу сложные тексты в эпоху, когда пределом сложности становится пост в твиттере. Почему? - а „потому что абсурдно“...

Путешествующий Фауст подобен монаху в миру – это юродивый Одиссей. Или может быть более точная метафора – это шпион виртуального мира Фауста в реальном мире Одиссея. Он вынужден быть плутом и обманщиком, чтобы не стать героем не своего романа. Ведь нам со всех сторон в этом мире навязывают чуждые нам роли и обязанности. А Фауст это творец, это автор, создатель своего собственного романа – романа своей жизни. Если он будет всерьез играть чужую роль, то он перестанет быть творцом. Этого боятся все творцы во все времена и поэтому они выставляют себя в виде чудаков или полных безумцев, вроде Сальватора Дали. Все это обманки для простофиль. А на самом деле каждый творец живет в своем собственном виртуальном мире, который он напрограммировал для себя. И в этом мире он не чужак и не юродивый, а Бог и Царь. Это понимали и Державин и Пушкин. Это знает по своему опыту каждый актер, когда увлекает в создаваемый им на сцене виртуальный мир сотни зрителей, и они, подчиняясь его программе, отдают ему, как автору этого мира, время и энергию своей жизни. Не так ли поступают и бесы – эти куски чужих программ,

вирусы нашей жизненной программы? Может именно поэтому Церковь так относилась к актерам и запрещала их хоронить в кладбищенской ограде. Но все-таки актеры не бесы, потому что они творцы. В реальном мире трудно дать однозначное определение творцу. А в виртуальном мире это сделать очень просто: творец – это программист этого мира. А как проверить, виртуален ли наш мир в действительности? - Для этого нужно отправиться в путешествие и посмотреть, получится ли из этого путешествия „Фауст“ или „Одиссея“...

Конечно это не будет „Одиссея“. Это не про Фауста. Но вот вопрос: если бы Одиссей стал эмигрантом и остался навсегда на острове Цирцеи, остался бы он Одиссеем или превратился в Фауста? Я думаю, что Одиссей бы умер в качестве Одиссея, потому что эмиграция – это „маленькая смерть“. И Фауст – это „посмертное“ существование Одиссея в объятиях Цирцеи. Не случайно у Гомера она отправляет Одиссея в Аид. Вот это путешествие достойно Фауста и сразу заставляет вспомнить путешествие Данте. Во-первых, оно совершается от первого лица – Одиссей никогда бы не написал о своем путешествии сам. Во-вторых, оно совершается остраненно – Данте как бы парит над всеми ужасами ада, как сторонний наблюдатель. Это явно путешествие автора. Путешествие пожившего уже человека по кругам своей приобретенной в долгой эмиграции мизантропии. В эмиграции наш собственный ад неизбежно углубляется. Это происходит потому, что „своим“ мы склонны прощать то, что не прощаем „чужим“. „Ад – это чужие“, - сказал Сартр. Или как Окуджава сказал о „своих“:

„Как обаятельны (для тех, кто понимает)
Все наши глупости, и мелкие злодеяния“

Среди „чужих“ и глупость заметнее и злодеяние принимает огромные размеры. Вот и приходится выкапывать новые круги ада, чтобы разместить в них всех этих идиотов, которые губят мир вокруг себя. В этом аду верхние круги занимают обыденные дураки, которые просто превращают пищу в дерьмо. Ниже находятся дураки от искусства, которые превращают в дерьмо вкусы обыденных дураков. Еще ниже располагаются дураки со степенями и званиями, которые поддерживают уровень глупости в поколениях, не давая развиваться человеческому разуму. Еще ниже расположен круг дураков-политиков, обрекающих человечество на глупые войны. А в самом низу прозябают идиоты от религии, которые убивают неверных именем Бога. У эмигранта Фауста не хватит любви, чтобы разрушить круги этого ада, поэтому и рай для него здесь закрыт. А потому Фауст стремится в путешествие, в котором надеется обрести утраченный рай родной Итаки, которой быть может уже и нет на свете. Он отправляется на свой Крит, надеясь оказаться в родном Крыму...

4

Когда-то я написал стихотворение о Крите:

Остров Крит
Всплыл как кит
В многоводном Ливийском море.
Там минойцев народ
Беззаботно живет,
Пьет вино и не знает горя.
Благосклонность богов
И священных быков
Обещали им впредь лотофаги-жрецы.
Все прошло давно,
Кит ушел на дно,
Лишь критянин Эпименид

До сих пор все твердит,
Что все критяне лжецы...

„Критянин Эпименид говорит, что все критяне лжецы. Говорит ли он правду?“ Если он Одиссей, то парадокс неразрешим, ибо „все“ это значит и он тоже. Но если он Фауст, то парадокса нет, ибо Фауст автор, а автор исключается из „всех“ всилу его венаходимости по отношению к его произведению. Вот так в старости разрешаются кажущиеся неразрешимыми парадоксы молодости...

Душа – это программа, по которой существует личность и осуществляется ее судьба. Не у всех есть судьба, и не у всех есть душа. Это понимаешь только прожив жизнь. Гоголь был гений, угадавший, что большинство людей – это „мертвые души“. В них из программы осталась одна ДНК, да еще программы телевидения. Мир бездушных людей управляется вторым началом термодинамики: „быть как все“. Мир одухотворенных людей следует антиэнтропийному правилу: „быть самим собой“. Во имя бездушия уничтожается красота мира, потому что она воспитывает живые души. Это остро чувствовал Пушкин:

„По прихоти своей скитаться здесь и там,
Дивясь божественным природы красотам,
И пред созданьями искусств и вдохновенья
Трепеща радостно в восторгах умиленья“.

А Достоевский провозгласил, что „красота спасет мир“. А еще он сказал, что „если Бога нет, то все можно“. Божий мир прекрасен, а душа человеческая – это часть программы, по которой Бог сотворил этот мир. Поэтому когда человек обращается к Богу, в нем оживает душа и он начинает воспринимать красоту в этом мире. Вот почему вслед за изгнанием Бога из мира изгоняется и красота. Теперь нет ни прекрасного, ни безобразного – воистину „все можно“. Ни правды, ни лжи – как в том парадоксе лжеца. Но ведь парадокс этот стоит на том, что именно все как все. А стоит одному единственному „критянину“ стать самим собой в соответствии с программой своей души, как тут же исчезает суть парадокса. А ставший самим собой обретает тем самым „образ и подобие Божие“, то есть становится автором – автором своей жизни. Так Одиссей стал автором своего путешествия и тем самым уподобился Фаусту...

Одиссей и Фауст как молодость и старость живут во времени навстречу друг другу – они существуют как бы в прямой и обратной перспективе, как классическая живопись и иконопись. Это обращение или переворот пространства-времени совершается в середине жизни: „Земную жизнь пройдя до середины...“ Данте символически описал этот переворот изменением направления движения своих героев, которые спускаются на дно ада и дальше, не меняя вроде бы направления движения, оказываются восходящими вверх по райской горе. Это похоже на прямое и обратное течение времени соответственно в бодрствовании и во сне – молодость это бодрствование жизни, а старость это сон жизни. В этом тождественность сна и романа - и в том и в другом автор знает конец и сворачивает повествование к концу, в котором находится сам. Так же просыпается в конце сна сам автор этого сна. В жизни человека это пробуждение тождественно его смерти. Фауст знает, чем все кончится, но не может изменить этот финал, даже меняя что-то в своем прошлом – в своих воспоминаниях. Одиссей не знает чем все кончится, и может изменить финал, но он не знает, меняет ли он его на самом деле. Одиссей - малознающий оптимист, Фауст – многознающий пессимист. Всилу этих различий, Фауст отправляется в путешествие ради его итога, а Одиссей отправляется в путешествие ради самого путешествия...

У всего на свете обязательно есть свой „побочный эффект“. Это просто следствие второго начала термодинамики: ничто не может существовать отдельно от всего остального,

не заплатив за это всему остальному достаточно высокую цену. Все знают, что КПД любого двигателя не может достигнуть ста процентов. Все знают о побочном эффекте любых лекарств. Кое-кто слышал о побочном эффекте иммунной системы организма – это аутоиммунные болезни и так называемые болезни старения. Но мало кто задумывается о побочном эффекте человеческого разума. А он есть и даже определяет устройство цивилизации и течение истории. Его можно назвать технологическим идиотизмом. Идиотом в средние века называли монаха, который умел читать, но не понимал сути прочитанного. Технологический идиот (или профессиональный идиот) – это человек умелый (*Homo habilis*), но не человек разумный (*Homo sapiens*). Идиот по выражению Жванецкого: „думает медленно, а соображает быстро“. Он быстро ориентируется в том, куда идти, что говорить и что нажимать, чтобы достичь жизненных благ в данных обстоятельствах. Но он не способен ответить на вопрос „зачем?“, „в чем смысл?“. Он просто не умеет думать об этом и для ориентации в жизни просто поступает „как все“. Так живет муравей в муравейнике. Но муравей не соображает так быстро, как идиот, и не имеет таких технических средств, как идиот. Поэтому идиот очень быстро реализует свои идиотские желания, в результате чего окружающий его мир приобретает тот облик, который достоин названия „мерзость запустения“.

Почему человеческий разум так легко становится разумом идиота? Потому что в цивилизованной жизни мозг человека катастрофически недогружен. Он недогружен в школе, которая ориентирована на технологические знания, он недогружен на производстве и в офисе, где не требуется ничего кроме технологических навыков. Поэтому мозг человека уменьшается: по сравнению с кроманьонцем он уменьшился приблизительно на сто кубических сантиметров. Но цивилизация имеет „механизм полной загрузки“ человеческого мозга и называется этот механизм „культура“. Такие явления культуры как искусство, литература, философия, наука способны развивать и поддерживать человеческий разум на уровне его предназначения. Но мозг человека ленив, как говорит Сергей Савельев. Ленив – это просто следствие первого начала термодинамики: „если можно не прилагать усилия, то их не следует прилагать“. Вот человек их и не прилагает, проживая свою жизнь идиотом. А необходимый уровень возбуждения мозга он обеспечивает наркотиками, алкоголем, ритмическим шумом, сексом, интригами и сплетнями в ближнем и дальнем (это называется политикой) окружении. То есть мозг требует „зрелищ“, которые и обеспечивает цивилизация со времен Римской империи. Древняя Греция в своем существовании опиралась на культуру, которая несколько веков работала как надежная „человекообразующая машина“. Эта „машина“ создала великие умы, которых собрали Птолеми в Мусее Александрии и которые подобно Александрийскому маяку показали всему человечеству путь воспитания своего разума.

А началось все это „Греческие чудо“ с „Одиссеи“ Гомера. „Одиссея“ стала книгой, на чтении которой вырастали поколения греков, мозги которых привыкали не лениться и требовали нагрузки. Эти мозги создавали театр и литературу, картины и статуи, математику и философию, архитектуру и технику. Возникло общество, в котором считалось стыдным и неприличным быть идиотом, в котором развитый ум ценился больше богатства. Быть может единственный раз за всю историю человечества возникла эта соци-умная мутация, когда значащая часть общества, его элита состояла из книжных „Фаустов“, которых воспитала „Одиссея“ Гомера. Вот, оказывается, в какое путешествие отправил своего героя Гомер: вовсе не Итаку искал Одиссей – он искал Александрию! Старец Тиресий предсказал ему, что его путешествие закончится только тогда, когда он найдет народ, который не знает мореплавания, то есть когда Одиссей принесет другим знание, которым они не обладают. Вот в чем суть странствия греческого духа – в просвещении: Одиссей должен породить „Фаустов“. И он их породил!

Что такое красота? Иван Ефремов говорил, что красота – это оптимальная конструкция. В этом же состоит и смысл слова гармония. Но вот вопрос: оптимальная для чего? Есть ли универсальный ответ на этот вопрос для любой красоты? Я думаю есть: Красота – это что-то угодно в состоянии молитвы, обращенной к Творцу. При этом молитву нужно понимать очень широко, как осуществление замысла Творца о том, кто эту молитву совершает. Красота для дерева – это его форма, для тел человеческих – это сексуальная привлекательность их форм, для лица человеческого – это лик мыслящего человека. Ибо молитва человека – это метаноия или „передумывание“, которое позволяет уйти от пустых мыслей и слов и обратиться к истине. „А что есть истина?“, - посмотрите на картину Ге и вы увидите кто пребывает в истине: лицо Пилата некрасиво, а лицо Христа прекрасно. Так бывают красивы праведные старцы - „калагерон“ по-гречески, и наоборот безобразны порочные и похотливые старики. В молитве-метаноии мы считываем программу-замысел Бога о нас, то есть мы находимся в виртуальной мире, созданном Богом. А когда мы отвлекаемся от этого своего задания, мы находимся под влиянием различных похотей, навязываемых нам вирусами этой программы. Тогда мир нам кажется реальным, потому что источником его интенций являются свойства и страсти его обитателей. Реализм – это мир без Бога и без красоты. Искусство – это обучение молитве для восприятия и созидания красоты в виртуальном мире. Эта молитва пронизывает полотно Эль Греко, который не случайно родился на прекрасном Крите. „Блаженны жадущие прекрасного“, - вот заповедь человека, и может быть именно к ней сводятся все остальные девять заповедей...

Молитва – это причастие Автору этого виртуального мира, к той программе, по которой существует этот мир. Тем самым молитва - это репарация нашей собственной программы, подобно репарации ДНК, которую растащили на куски вирусы-бесы. Репарция – это возвращение блудного сына к Отцу, к Его программе – в этом суть метаноии. Это возвращение в Райское время – в райский хронотоп, в котором душа может существовать в покое. А душа – это и есть программа личности, какой она задумана Творцом. Душа существует в нашем мире в состоянии стресса – бесы ее растаскивают на куски и замещают собою ее части, поэтому душа мучается страхом небытия и заставляет человека создавать себе мнимые защиты от этого страха – богатство, собственность, власть. Все просто: тот „пузырек“ райского хронотопа, в котором обитают души „ставших единой плотью“ супругов, и есть истинная их обитель – их „Итака“. Пребывая в ней мы занимаем положение авторской вненаходимости Бахтина, из которого только и возможно созерцать красоту мира. Воспринимаемая красота является индикатором правильного состояния нашей души – вот в чем смысл фразы Достоевского: „Красота спасет мир“.

Но если красота может спасти этот мир, то этот мир является произведением искусства – мир виртуален и потому прекрасен. Об этом не знает реалист Одиссей, но об этом догадывается идеалист Фауст. И человеческая жизнь вмещает в себя их обоих. Когда-то я записал фразу, еще не совсем понятную мне в то время: „Живые жаждут знания, как мертвые жаждут жизни“. Теперь я понял смысл ее – она о том же, о взаимоотношении Одиссея и Фауста в жизни человека. У витального Одиссея не хватает знания, он и своим умом пользуется, и добывает недостающего знания в Аиде у Тересия, принося тому корыто с жертвенной кровью – он жизнь меняет на знание. А Фауст устал от познания: „В глубоком знанье жизни нет — Я проклял знаний ложный свет“. Он хочет вернуть себе наслаждение жизнью, но так чтобы избежать страданий жизни и готов принести в жертву этому уже не корыто с кровью, но свою душу. Он хочет как ребенок играть в жизнь „по-нарошку“, чтобы в любой момент можно было бы выйти из игры. „Чашу эту мимо пронеси!“ - вот молитва всех Фаустов, решивших примерить на себя жизнь Одиссея. Умный Фауст пишет романы или

читает их, глупый Фауст копит деньги, чтобы они защитили его от страданий жизни, и тратит их на наслаждения, меняя молодых жен каждые три-четыре года. И умирает в страданиях, которые уже нельзя обменять на деньги.

Кажется, что Фауст и Одиссей две вещи несовместные, как гений и злодейство у Пушкина. Это так, но только если мир наш действительно реален. А если все-таки нет? Если мир на самом деле виртуален и действительно имея „веру с горчичное зерно можно сказать горе сей: «перейди отсюда туда», и она перейдет“, тогда Фауст и Одиссей – это две ипостаси каждой человеческой жизни, как вдох и выдох: Одиссей действительно творит своим путешествием роман своей жизни, а Фауст действительно путешествует в написанном им романе. Оба эти романа стоят рядом на полке „Вавилонской библиотеки“ Борхеса, в которой собраны программы, по которым творится наш виртуальный мир. Если человек осознает это, то отправляясь в путешествие он будет не вполне Одиссеем, но в чем-то и Фаустом, а оставаясь в кресле в своем кабинете он будет не вполне Фаустом, но в чем-то и Одиссеем...

7

Вечереет... Небо над моим имением то же самое, что и над Критом и над Крымом – оно вечное сейчас и вечное здесь. И все здесь и сейчас возле меня – и мне некуда и незачем путешествовать. Моя Итака со мной. Странник Одиссей совпал с домоседом Фаустом. Так осуществилась полнота человеческой судьбы – человек стал деревом, которое путешествует во времени не сходя со своего места:

„Я знаю, что деревьям, а не нам

Дано величье совершенной жизни“.

Листья с него облетели. Но я пишу новые листья и одеваю ими мое древо жизни: короб первый, короб второй... Я – свой Гомер. Или нет, не Гомер, а скорее Платон, который описывал жизнь человека как воспоминание. Человек – существо вспоминающее: он вспоминает не только то, что случилось с ним, но и то, что случалось с другими, в другие времена и эпохи. Во времена моей молодости отовсюду звучали слова популярной песни: „Все, что было не со мной, помню...“ Над этими словами много иронизировали тогда. А ведь зря – не эта ли память делает нас „всечеловеками“ Достоевского. Не так ли и Булгаков „вспомнил“, что произошло „ранним утром четырнадцатого числа весеннего месяца Нисана в крытой колоннаде дворца Ирода Великого“. И это его воспоминание стало нашим собственным воспоминанием. Так, вспоминая странствия Одиссея, раздумья Фауста, приключения Дон Кихота, блуждания Данте „в сумрачном лесу“, мы постепенно включаем в себя весь человеческий мир, чтобы стать подобным Сыну Человеческому. Память человеческая – это тот крест, который взвалил на себя наш нелепо огромный мозг. За эту память мы держимся, чтобы вытаскивать себя ежедневно из болота идиотизма и варварства, как вытаскивал себя за волосы из болота барон Мюнхаузен. Так задуман русский всечеловек, воплотившийся впервые в нашем Пушкине. И вот я вспоминаю все и всех в своих текстах и картинах, а голос Градского тихо звучит во мне в это время:

„Тень русской ветки будет колебаться на мраморе моей руки...“

Имение «Ясенева поляна», март - апрель 2019